

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК [947-957] 1865/1885

doi:10.21685/2307-9525-2022-10-3-2

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ (1860-е – 1880-е гг.)

Наталья Викторовна Логачева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

logachevan@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Дается краткая характеристика органов политического сыска Российской империи в рассматриваемый период, их функций и методов деятельности. Несмотря на результаты реформ ведомств политического сыска, проведенных под руководством П. А. Шувалова, их деятельность по-прежнему не соответствовала требованиям, которые предъявляли внутривнутриполитические условия. Объединение всех охранительных ведомств в едином центре – Департаменте полиции – также не имело ожидаемого результата: революционное движение расширялось, все больше приобретая террористический характер. Цель работы – рассмотреть оценки деятельности ведомств политического сыска представителями разных слоев населения Российской империи. *Материалы и методы.* Основное внимание уделено оценкам современниками должностных лиц политической полиции, методам работы охранительных ведомств, эффективности их работы с опорой на данные архивных материалов и мемуары современниками. Рассмотрены характеристики, которые даны представителями разных слоев общества: творческой интеллигенцией, юристами, учителями, врачами. *Результаты.* Эти оценки имели разнонаправленный характер: представители творческой интеллигенции высоко оценивали личность П. А. Шувалова, отмечали эффективность деятельности следственной комиссии по делу о покушении на цареубийство Д. Каракозова. Представители другого слоя населения давали противоположные характеристики: юристы видели нарушения положений судебной реформы 1864 г. при расследовании государственных преступлений; врачи, учителя и студенты, которые были объектами жандармских расследований, крайне негативно оценивали действия жандармов, подчеркивая их жестокость и некомпетентность. Представители высших слоев общества (воспоминания А. В. Богданович, Санкт-Петербургской светской львицы), напуганные размахом революционного движения, жестко критиковали леность жандармских чинов, неэффективность их работы, формальное отношение к делу. *Выводы.* Интересно в рамках исследования архивных материалов и мемуаров отношение к своей собственной деятельности чинов политической полиции: многие из них сетовали на необходимость соблюдать законность при расследовании политических преступлений, на отсутствие помощи от «благонамеренной среды», что, по их мнению, являлось причиной неэффективности их работы.

Ключевые слова: политический сыск, жандармские ведомства, террористическая деятельность, ошибки охранительной политики, творческая интеллигенция, положительные отзывы, беспомощность политической полиции

Для цитирования: Логачева Н. В. Политический сыск Российской империи глазами современников (1860-е – 1880-е гг.) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 3. С. 13–22. doi:10.21685/2307-9525-2022-10-3-2

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

POLITICAL INVESTIGATION IN THE RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES (1860s – 1880s)

Nataliya V. Logacheva

Penza State University, Penza, Russia

logachevan@gmail.com

Abstract. *Background.* The article presents a brief overview of the political investigation authorities in the Russian Empire, which operated during the period under review, their functions and work methods. Despite the results of the reforms on the homeland security agencies carried out under the supervision P.A. Shuvalov, their activity still did not fulfill the requirements, imposed by the Russian political conditions. Uniting all homeland security agencies in a single hub – Police Department – had no expected effect: the revolutionary movement grew stronger and gradually became more terrorism-oriented. The research aims at considering the evaluations of the political investigation departments activity by the representatives of different social groups in the Russian Empire. *Materials and methods.* The author pays special attention to how the contemporaries assessed political investigation officers, methods and effectiveness of the security agencies activity based on the archived materials and contemporaries memoirs. The article focuses on evaluations given by the representatives of various social groups: artistic intellectuals, lawyers, teachers, and doctors. *Results.* Those evaluations were of opposite nature: the artistic intellectuals thought highly of P.A. Shuvalov's, pointed out the efficiency of investigation related to the case of tsar assassination attempt by D. Karakozov. The representatives of other social groups gave the opposite characteristics: lawyers saw violations of the legal reform of 1864 during investigations of anti-government crimes; doctors, teachers and students who were subjected to homeland security investigations, gave highly negative characteristics to gendarmes and pointed out their cruelty and incompetence. The representatives of the upper class (memoirs of A.V. Bogdanovich, Saint Petersburg socialite), scared by the wide scope of revolutionary movement, harshly criticized home security officials, their laziness, inefficiency, formal attitude towards their work. *Conclusions.* While researching archived materials, it was interesting to observe the attitude of homeland security officials towards their own activity: many of them identified the need to follow the legal requirements during political investigations, complained about the absence of help from the "supportive community", which in their view was the reason for ineffectiveness of their work.

Keywords: political investigation, homeland security agencies, terrorist activity, errors of homeland security policy, artistic intellectuals, positive reviews, helplessness of political investigation authorities

For citation: Logacheva N.V. Political investigation in the Russian Empire through the eyes of contemporaries (1860s – 1880s). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2022;10(3):13–22. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2022-10-3-2

Исследование посвящено оценкам представителями различных слоев населения деятельности политического сыска в Российской империи в 1860–1880 гг. Оно основано на мемуарных источниках: воспоминаниях, письмах, публикациях в периодических изданиях, архивных материалах, многие из которых используются впервые. В них представлены суждения относительно личных качеств высших должностных лиц, методов деятельности полиции, жандармов, служителей фемиды, недостатков и достоинств функционирования охранительных ведомств.

Однако, перед тем как перейти непосредственно к характеристикам деятельности органов политического сыска, необходимо кратко рассмотреть их структуру, функции и методы.

Основная роль в борьбе с инакомыслием и охраной государственного устройства принадлежала III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии (С.Е.И.В.к.), которое было создано еще в 1826 г. Мы не будем характеризовать его деятельность с момента возникновения, а остановимся на изменениях, происшедших в его функционировании в интересующий нас период. Необходимость в оптимизации работы III Отделения С.Е.И.В.к. возникла в 1860-е гг. в связи с ростом антиправительственных выступлений и покушением Д. Каракозова на царя. Граф П. А. Шувалов, будучи управляющим III Отделения, с одобрения Александра II провел масштабную реорганизацию ведомства. Пытаясь сделать работу своего ведомства более эффективной, П. А. Шувалов осуществлял преобразования по трем основным направлениям: во-первых, он расширил 5-й секретариат Отделения, служащие которого должны были реагировать на все общественные события; во-вторых, существенные изменения затронули исполнительный орган III Отделения – корпус жандармов; наконец, в-третьих, П. А. Шувалов обратил внимание на организацию наружного наблюдения и секретную агентуру. В Петербурге и Москве он установил слежку за подозрительными лицами при помощи сотрудников, негласно принятых на службу в городскую полицию еще при В. А. Долгорукове. Кроме материалов, являющихся результатом деятельности пяти экспедиций III Отделения, у управляющего отделением хранились секретные материалы, которые составили секретный архив отделения. Секретный архив в структуре III Отделения не значился. Материалы данного архива представляют собой агентурные донесения, агентурные записки, сводки агентурных донесений, выписки из перлюстрированных писем, записки государственных деятелей и частных лиц и некоторые служебные документы. Сведения, собранные агентами, проверялись, обрабатывались, иногда сопровождалась выводами и сообщениями по изложенным вопросам и представлялись начальству в агентурных записках. Материалы перлюстрации также проверялись путем установления личности авторов писем, их политических взглядов. В секретном архиве содержались письма с рекомендацией лиц для агентурной работы, с предложением услуг в качестве агентов, расписки агентов в получении негласных пособий, а также записки о проверке достоверности фактов, сообщаемых агентами. Штат сотрудников III Отделения был всегда невелик. При П. А. Шувалове он был увеличен до 38 человек, не считая тайной агентуры. Реорганизация жандармского корпуса заключалась в следующем: упразднялись окружные жандармские управления, все губернские жандармские управления (первое было создано в 1867 г.) подчинялись непосредственно Главному управлению корпуса; был увеличен наблюдательный состав корпуса жандармов. По новому Положению о корпусе жандармов 1867 г. в него входили: Главное Управление корпуса (штаб), Управление округов – Варшавского, Кавказского, Сибирского, жандармское Управление Московской губернии, 55 губернских жандармских Управлений, 50 уездных жандармских Управлений Северо-Западного края, наблюдательный состав корпуса, Петербургский и Московский дивизионы, 13 конных жандармских команд, полицейские Управления железных дорог [1, с. 6].

В 1860-е и 1870-е гг. центральное место в осуществлении охранительной политики занимали Губернские жандармские управления (ГЖУ) и наблюдательный состав корпуса жандармов, начальникам которых подчинялись не только жандармские чины, но и чины общей полиции, если в их расследованиях усматривалась политическая подоплека. Для отбора кадров в жандармский корпус был введен ряд требований: был необходим определенный уровень грамотности; не допускались лица польской национальности, еврейского вероисповедания и перекрещенцы из евреев¹. Что касается материального обеспечения жандармских чинов, то оно было лучше, чем у полицейских. Жалование служащего ГЖУ составляло 120–240 руб. в год². Значительно увеличилась численность жандармского корпуса: в 1880 г. она «составляла 6808 человек» [2, с. 275]. Это на 60 % больше, чем в 1826 г.

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 109. 3 Экз. Д. 55. Л. 8.

² ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Д. 5848. Л. 5.

Ряд покушений на царя и видных государственных деятелей конца 1870-х гг. и беспомощность III Отделения предопределили судьбу последнего. 6 августа 1880 г. Александр II своим указом упразднил Верховную распорядительную комиссию III Отделение. Дела III Отделения были переданы в ведение Министерства внутренних дел, в его Особый отдел. Затем М. Т. Лорис-Меликов, министр внутренних дел с неограниченными полномочиями, предложил передать Департаменту государственной полиции часть функций Департамента полиции исполнительной. Функции эти носили строго политический характер. Затем 15 ноября 1880 г. Департамент полиции исполнительной был присоединен к Департаменту государственной полиции. Таким образом, были объединены в одном ведомстве функции общей полиции и охранительных ведомств. Указ определил штатное расписание Департамента государственной полиции: директор Департамента, вице-директор, чиновники особых поручений – 3, секретарь – 1, журналист – 1, делопроизводитель – 3, старшие помощники делопроизводителей – 10, младшие помощники делопроизводителей – 9, казначей – 1, помощник казначея – 1, начальник архива – 1, помощники начальника архива – 2, чиновники для письма – 18. В целом с учетом сверхштатных сотрудников в Департаменте трудилось около 300 человек [3, с. 280]. В феврале 1883 г. к Департаменту государственной полиции был присоединен судебный отдел Министерства внутренних дел. С этого момента Департамент государственной полиции получает свое окончательное название – Департамент полиции. В его структуру входили пять подразделений, которые назывались делопроизводствами. Первые два были общеполицейскими, третье – политическим, четвертое – наблюдательным, пятое – исполнительным. Основной задачей четвертого и пятого делопроизводств была подготовка материалов к Особому совещанию на предмет административной ссылки лиц, заподозренных в революционной деятельности. С 1880 г. Департамент полиции стал центральным учреждением политического розыска России [4, с. 3]. Общее руководство осуществлял министр внутренних дел, являвшийся теперь и шефом жандармов. Департамент руководил как общей, так и политической полицией. Для осуществления политического сыска на местах создавались «отделения по охранению порядка и государственной безопасности», в народе получившие название «охранки». Здесь уместно остановиться на методах осуществления политического сыска.

До реформы III Отделения, проведенной П. А. Шуваловым, методы органов государственной полиции совершенно не отличались от методов общей полиции: опрос свидетелей, исследование улик, обыски. После реформирования стала широко применяться тайная агентура: тайные агенты вербовались для слежки за соседями или сослуживцами. В качестве тайных агентов использовались лица, уличенные в неблагонадежности, которые доносили из страха, или те, кто занимался доношением ради вознаграждения. Для оплаты «услуг» таких агентов выделялись определенные денежные средства. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. появляется такой метод расследования государственных преступлений, как провокация. Особенно изоциренно действовала политическая полиция в расследовании дела С. Нечаева – использовались его контакты, переписка, передвижения с целью выявления антиправительственного образа мыслей и революционной деятельности. До сих пор историки не пришли к единому мнению о том, не был ли сам С. Нечаев провокатором [5, с. 107]. Особенно широко провокация использовалась «охранкой» в 1880-е гг. Арестованных революционеров запугивали, превращали в тайных агентов и внедряли в революционные организации, подсаживали провокаторов в камеры арестованных революционеров, устраивали выборочные аресты, в ходе которых некоторых членов революционных организаций оставляли на воле, чтобы затем использовать в провокационных целях [6, с. 96].

Мы рассмотрели структуру политического сыска и его методы в интересующий нас период для того, чтобы были очевидны основания тех оценок состояния политического сыска, которые приведены далее.

Делая попытку охарактеризовать оценку политического сыска российским обществом, пожалуй, следует начать с интеллигенции. По вполне понятным причинам трудно обнаружить в опубликованных произведениях писателей искреннее мнение о политическом

розыске и его деятелях. Однако известны высказывания Ф. М. Достоевского, привлекавшегося по делу «петрашевцев», и А. И. Герцена о начальнике корпуса жандармов Л. В. Дубельте. Оба они охарактеризовали его как незаурядную личность. А. И. Герцен отметил его хитрость и заносчивость.

Весьма лестную оценку дал Ф. И. Тютчев начальнику III Отделения С.Е.И.В.к. П. А. Шувалову. В своей эпиграмме он ставил гр. Шувалова в один ряд с Петром I по мощности исторической роли:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же – второй [7, с. 120].

Сравнение с Аракчеевым придает фигуре гр. Шувалова оттенок критики.

В ведомстве П. А. Шувалова служил внук историка Н. М. Карамзина, который называл своего начальника одним из обаятельнейших людей того времени, имевшим тонкий, наблюдательный и внимательный ум. Он же назвал «шуваловский» период «золотым веком» полиции, когда никто не говорил о политических преступниках и самыми страшными людьми для полиции могли представляться бежавшие из Сибири.

Если высказывания известных представителей творческой интеллигенции в основном дают представление о личностях, возглавлявших ведомства политической полиции, то воспоминания обычных людей – учителей, врачей, чиновников – позволяют оценить систему работы низовых структур: полиции, жандармского ведомства, судебной системы.

Очень интересны воспоминания врача, выпускника Петербургской медико-хирургической академии В. Б. Бертенсона, по воле случая ставшего свидетелем и участником событий, связанных с террористическими актами народовольцев, направленными на физическое уничтожение первых лиц государства. Не имея цели дать какую-либо оценку действиям жандармских чинов, он описал обыск, тюремное заключение и надзор полиции над ним в связи с событиями, к которым не имел никакого отношения. Будучи студентом, Бертенсон снимал квартиру, куда ночью неожиданно нагрянули с обыском жандармы. Обыск длился с двенадцати часов ночи до семи утра: квартира «...наполнилась жандармами, городскими, околоточными, предводительствуемыми полицейским статским советником и бравым жандармским майором» [8]. Обыск был очень тщательным, но не дал результатов, и уже к четырем часам статский советник начал жаловаться на усталость, объясняя ее тем, что «...каждую ночь одно и то же». В конце концов он заявил, что, хотя ничего предосудительного не найдено, подозреваемые (Бертенсон и его товарищ) будут арестованы. На карете, нанятой на деньги арестованных, их отвезли в тюрьму. Здесь у них отобрали все ценное «...вплоть до золотых бусинок и запонок» и отвели в камеру, где Бертенсон провел восемь суток и был освобожден только по ходатайству своих родственников. Не имея цели критиковать действия чинов политической полиции, автор воспоминаний иронично описал жандармов, товарища прокурора, посетившего его в тюремной камере с предложением написать прошение (предварительно шепотом товарищ прокурор предупредил Бертенсона, что «...из этого все равно ничего не выйдет»). Благодаря протекции влиятельных родственников в дело вмешался начальник III Отделения С.Е.И.В.к. А. Р. Дрентельн, который вызвал к себе Бертенсона и жандармского полковника, возглавлявшего дознание. После того как выяснилось, что бедного студента с кем-то перепутали, Дрентельн попросил его выйти из кабинета и «...так основательно и громко разнес полковника...», что было слышно в соседней комнате. Бертенсона освободили под подписку о невыезде, установив за ним слежку. По его словам, около него «постоянно вертелся некто в гороховом пальто».

Несмотря на юмор изложения, в нем явственно чувствуются горечь и сожаление о том, что невинному человеку пришлось провести длительное время «...в промозглой, сырой, одиночной камере... длиной в 3,5 шага и шириной в 1,5». Автор воспоминаний отмечал, что обыски и аресты проводились постоянно, а эффекта не было, поскольку террористические акты продолжались.

Есть в мемуарной литературе и положительные отзывы о деятельности охранительных структур. В. Вонлярлярский, русский либерал, один из потомков писателя В. А. Вонлярлярского, описывая реакцию русской общественности на покушение Д. Каракозова, отмечал эффективность деятельности следственной комиссии под председательством М. Н. Муравьева, хвалил грамотные и «патриотические» действия жандармских частей по выявлению в ходе Крымской кампании «английских шпионов» [9, с. 67].

Н. Ф. Бунаков, известный учитель, в своих мемуарах не давал никаких оценок деятельности политической полиции, он просто констатировал как само собой разумеющееся наблюдение со стороны жандармов и полиции за собраниями провинциальных учителей и студентов, отмечая, что они «...не вмешивались, видя, что не происходит ничего подозрительного». Констатация этого факта в описании Н. Ф. Бунакова имеет доброжелательный оттенок. Он писал (речь идет о 1860 г.), что «...в то время и говорить не стеснялись, и прокламации обращались в обществе свободно» [10, с. 4].

Н. И. Астров, юрист, общественный деятель, член партии кадетов, обратил внимание на политический сыск в связи с противоречиями, возникшими при расследовании государственных преступлений, и положениями судебных уставов в ходе их реализации. Он писал о расследовании государственных преступлений и судопроизводстве в окружных судах [11, с. 215].

Интересны комментарии о деятельности политической полиции, содержащиеся в публикации, принадлежащей неизвестному автору (N.N.), в журнале «Былое» [12]. В ней идет речь о командировке в Германию директора департамента юстиции барона Врангеля для совместной с немецкой политической полицией работы по расследованию двух покушений в апреле 1866 г.: на канцлера Германии князя Отто Бисмарка и царя Александра II. Студент Блиндт, покушавшийся на Бисмарка, «водил дружбу» с русским студентом Мосоловым, что стало основанием для ареста последнего. Впоследствии оказалось, что у Мосолова «железное» алиби и его освободили и даже назначили на хорошую государственную должность. В публикации мы можем найти следующие черты охранительной политики Российской империи, которые были определены автором: свойство винить в распространении революционного движения «за границу» и сначала арестовывать всех подозреваемых, затем разбираться. Хотя саму идею объединения действий немецкой и русской политических полиций нельзя не одобрить.

Ощущением беспомощности и состоянием, близким к истерии, наполнены страницы воспоминаний А. В. Богданович, жены генерала Е. В. Богдановича, хозяйки модного петербургского салона. Салон Богданович посещали многие влиятельные и известные люди: министры и сановники – Л. С. Маков, Н. П. Игнатъев, М. Т. Лорис-Меликов, А. Р. Дрентельн и многие другие. Выражая общее мнение определенных кругов русского общества, А. В. Богданович давала негативную оценку деятельности охранительных структур, что было естественно в условиях крайней нестабильности внутривнутриполитической жизни государства в период высшей активности революционеров, когда постоянно происходили покушения на первых лиц государства. В своих записях от 14 февраля 1879 г. Богданович возмущалась безнаказанности революционеров: «...До сих пор горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство – и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом. И что же, – мы все удивляемся и недоумеваем, что нам делать...» [13, с. 13]. Она описала факт предупреждения германским тайным агентством Дрентельна о планируемом покушении на Александра II в зашифрованных телеграммах, но шеф III Отделения не получал их в течение нескольких дней: депеши пролежали «...на столе у ленивого министра» (главноначальствующего над Почтовым департаментом В. Ф. Адлерберга).

В дневнике Богданович ценны для нас не ее собственные оценки, а характеристики, комментарии и предложения Лорис-Меликова, Черевина, Игнатъева, Косооговского, иллюстрирующие понимание ими трагичности ситуации, беспомощности политической полиции перед революционным движением, их иногда безуспешные попытки на ходу усовершенствовать

систему политического сыска. Например, несуразным представляется предложение Брунера, командующего войсками Казанского округа, возложить ответственность за благонадежность жильцов на домохозяев: если же при обыске найдут типографию или подозрительную личность, дом конфисковать в казну (впоследствии предложение было принято правительством).

М. Т. Лорис-Меликов оценил охранительную политику, существовавшую до него, как излишне жестокую и репрессивную. Став главой Верховной распорядительной комиссии, он предложил «...всем раскаявшимся нигилистам отдаться в руки правительства – оно их укроет от прежних товарищей». Кроме того, предлагалось снять полицейский надзор и вернуть из ссылки лиц, показавших свою благонадежность. Мера может быть полезная, но явно несвоевременная в период разгула политического терроризма.

Заслуживают внимания воспоминания основных оппонентов ведомств политического сыска – деятелей революционного движения. Народолюбец А. В. Тырков, описывая свой арест по поводу событий 1 марта 1871 г., по указанию Рысакова, совершившего покушение, так охарактеризовал жандармского офицера, проводившего предшествующий аресту обыск: «...если глаза верно отражали его душу, это было мое первое знакомство с человеком-зверем...» [14, с. 151].

В революционном заграничном издании «Вперед!» описано судебное разбирательство по политическим делам «Процесс двадцати шести», где, по словам автора, «...все как по сценарию, заранее определено. Прокурор молодой, с хищными глазами, вызывающими отвращение, говорил мало, но вразумительно. Судья удалился и вынес известный уже приговор. Тягостное впечатление произвело на всех присутствующих это наглое варварство»¹.

В. К. Дебогорий-Мокриевич, известный революционер-народник, на страницах журнала «Былое» вспоминал о попытках «Добровольной охраны» – либерального крыла в правительственных кругах во главе с П. А. Шуваловым – договориться с членами «Народной воли» о снятии приговора с Александра II. Целью «Добровольной охраны» было «не допустить злоумышленников к царю, защитить его собой, своими телами» с тем, чтобы у реакционеров в правительстве не было повода к репрессивным действиям, была возможность конституционных преобразований. За отказ от царевубийства, опубликованный в прокламации, «Добровольная охрана» обещала позволить вернуться в Россию некоторым народолюбцам. Автор положительно оценил попытку либеральных кругов пойти на компромисс с революционерами, назвав их шаги разумными и миротворческими [15, с. 57].

Суждение представителей разных слоев русского общества позволяет нам лучше представить себе внутривластную обстановку в Российской империи 1860–1880 гг., оценить эффективность охранительной политики, качество деятельности политического сыска, его ошибки и просчеты.

В 1860-е гг. или очень мало говорилось о политическом сыске, или преобладали положительные оценки. Ситуация изменилась в 1870-е гг., когда внутривластная обстановка обострилась, особенно в период террористической деятельности революционеров. Политическую полицию обвиняли в беспомощности, жестокости, нарушении закона при расследовании государственных преступлений². Причем сами деятели политической полиции считали, что действуют недостаточно жестко и эффективно, вынуждены «...оглядываться все время на соблюдение законности» (из рапорта генерал-майора Бачманова начальнику III Отделения С.Е.И.В.к. Н. В. Мезенцеву)³. Они же свидетельствовали о трудностях несения службы жандармскими офицерами: для них было очень проблематичным установление тайного надзора за неблагонадежными, поскольку не имелось денежных средств для оплаты агентуры, а на официальный надзор не было права (не позволяют Судебные уставы 1864 г.); от «благонамеренной среды ничего не узнают, так как среда эта их чуждается». Жандармский генерал-майор И. Л. Слезкин, инспектируя Саратовскую, Казанскую, Самарскую

¹ Вперед! 1876. № 40. С. 535.

² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 777.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 746.

и Симбирскую губернии, докладывал, что вместо помощи от местных властей губернские жандармские управления сталкиваются с противостоянием, поскольку власти опасаются, что в ходе жандармских расследований вскроются произвол или коррупция губернаторской администрации, так как чинам политической полиции было предписано докладывать начальнику жандармского корпуса о состоянии губернии минуя губернаторов. Например, губернатор Саратовской губернии князь В. А. Щербатов приказывал чинам общей полиции оказывать содействие жандармским офицерам, но при этом вести себя очень осторожно, не посвящать в подробности состояния дел в губернии и особенно не вступать в переписку, т.е. не оставлять письменной информации¹.

Позиция современных исследователей в целом совпадает с оценками деятельности ведомств политического сыска, которые ей дали современники. В 1860-х, 1870-х гг. политическим розыском непосредственно занимались III Отделение С.Е.И.В.к., Министерство внутренних дел, Отдельный корпус жандармов, Жандармские полицейские управления железных дорог (на местах ГЖУ, полицейские управления во главе с полицмейстерами и их помощниками, отделения на всех узловых железнодорожных станциях). Государственные преступления расследовали судебные следователи Министерства юстиции, с 1872 г. дела о политических преступлениях рассматривались Особым присутствием Правительствующего Сената. С 1880 г. основным органом политического сыска стал Департамент полиции, на местах продолжали действовать ГЖУ и вновь созданные отделения по охранению порядка и государственной безопасности. Многочисленность ведомств не способствовала эффективному решению задач, стоявших перед политическим сыском: действуя параллельно, ведомства мешали друг другу, их руководители, желая выслужиться, иногда намеренно создавали путаницу. Стремление красиво отчитаться преобладало над стремлением достичь результата, иногда ради отчетности подтасовывались факты. Попытка сконцентрировать политический сыск в одном ведомстве – Департаменте полиции (согласно реформе М. Т. Лорис-Меликова) – состоялась только на самом высшем уровне. На местах ГЖУ постоянно конкурировали с охранными отделениями. Опираясь на архивные материалы, мы можем предположить, что низшие чины жандармского корпуса и Департамента полиции, которым делегировалось решение задач борьбы с революционным движением, были откровенно безграмотными, плохо подготовленными. Неудивительно, что их работа была грубой, они недооценивали противника.

Серьезно мешало деятельности политического сыска противостояние губернаторской администрации с ГЖУ и охранными отделениями, которое, конечно, не было явным. Напротив, губернаторам было предписано всемерно помогать названным ведомствам, но они, опасаясь обнаружения злоупотреблений, старались скрыть многие факты.

По нашему мнению, нельзя рассматривать деятельность политического сыска в отрыве от политики правительства во всех сферах жизни государства. Несомненно, подъем революционного движения явился следствием непродуманной и несбалансированной внутренней политики царского правительства, приведшей в конечном итоге к политическому террору, революциям, которые негативно повлияли на весь последующий ход российской истории.

Список литературы

1. Оржеховский И. В. Реорганизация жандармского Управления в связи с правительственной реакцией 60–70-х годов XIX века // Ученые записки. Вып. 151: Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX веке. Горький : Горьковский университет им. Н. И. Лобачевского, 1971. С. 42–88.
2. Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2002. 638 с.
3. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М. : РОССПЭН, 2000. 430 с.
4. Суворов А. И. Политический терроризм в России в XIX – начале XX века и российское общество. М. : Юрид. ин-т МВД РФ, 1999. 38 с.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1.3. Экз. Д. 3297. Л. 369.

5. Лурье Ф. Н. Политический сыск в России: 1649–1917. М. : Центрполиграф ; СПб. : Мим-Дельта, 2006. 398 с.
6. Троицкий Н. А. Дегаявщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 125–133.
7. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1957. 422 с.
8. Бертенсон В. Б. За 30 лет : (Листки из воспоминаний). СПб. : Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. 283 с.
9. Вонлярлярский В. М. Мои воспоминания, 1852–1939 гг. Берлин : Рус. нац. изд-во, 1939. 253 с.
10. Бунаков Н. Ф. Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837–1905. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 364 с.
11. Астров Н. И. Воспоминания. Париж : YMCA press, 1940. 359 с.
12. Граф Бисмарк – организатор русской политической агентуры за границей // Былое. 1907. № 6/18. Июнь.
13. Богданович А. В. Три последних самодержца. Л. : Д. Френкель, Воен. тип. Штаба Р.К.К.А., 1924. 504 с.
14. Тирков А. В. К событию 1-го марта 1881 года : (Воспоминания). Ростов н/Д. : Дон. речь, 1907. 35 с.
15. Дебогорий-Мокриевич В. К. К вопросу о переговорах исполнительного комитета «Народной воли» с «Добровольной охраной» // Былое. 1907. № 4/16. С. 56–61.

References

1. Orzhekhovskiy I.V. Reorganizing the gendarmerie administration in connection with the government reaction of the 1860 – 1870s. *Uchenye zapiski. Vyp. 151: Voprosy istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli i vnutrenney politiki Rossii v XIX veke. = Proceedings. Issue 151: History Questions of Social and Political Ideas and Domestic Policy in Russia in the 19th Century.* Gorkiy: Gorkovskiy universitet im. N.I. Lobachevskogo, 1971:42–88. (In Russ.)
2. Izmozik V.S. (comp.). *Zhandarmy Rossii = Gendarmes in Russia.* Saint Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press, 2002:638. (In Russ.)
3. Peregudova Z.I. *Politicheskii syisk Rossii (1880–1917) = Political investigation in Russia (1880–1917).* Moscow: ROSSPEN, 2000:430. (In Russ.)
4. Suvorov A.I. *Politicheskii terrorizm v Rossii v XIX – nachale XX veka i rossiyskoe obshchestvo = Political terrorism in Russia in the 19th – early 20th centuries and Russian society.* Moscow: Yurid. in-t MVD RF, 1999:38. (In Russ.)
5. Lurie F.N. *Politicheskii syisk v Rossii: 1649–1917 = Political investigation in Russia: 1649–1917.* Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: Mim-Delta, 2006:398. (In Russ.)
6. Troitskiy N.A. Degaevshchina. *Voprosy istorii = Questions of History.* 1976;(3):125–133. (In Russ.)
7. Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy = Complete collection of poems.* Leningrad: Sov. pisatel, 1957:422. (In Russ.)
8. Bertenson V.B. *Za 30 let: (Listki iz vospominaniy) = For 30 years: (Leaflets from memories).* Saint Petersburg: Tip. t-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», 1914:283. (In Russ.)
9. Vonlyarlyarskiy V.M. *Moi vospominaniya, 1852–1939 gg. = My memories, 1852–1939.* Berlin: Rus. nats. izd-vo, 1939:253. (In Russ.)
10. Bunakov N.F. *Zapiski N. F. Bunakova. Moya zhizn, v svyazi s obshcheruskoy zhiznyu, preimushchestvenno provintsialnoy, 1837–1905 = My life, in connection with the all-Russian life, mostly provincial, 1837–1905.* Saint Petersburg: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 1909:364. (In Russ.)
11. Astrov N.I. *Vospominaniya = Memories.* Parizh: YMCA press, 1940:359. (In Russ.)
12. Count Bismarck as the organizer of Russian political agents abroad. *Byloe = The Past.* 1907;(6/18). (In Russ.)
13. Bogdanovich A.V. *Tri poslednikh samoderzhitsa = Three last autocrats.* Leningrad: D. Frenkel, Voen. tip. Shtaba R.K.K.A., 1924:504. (In Russ.)
14. Tyrkov A.V. *K sobytiyu 1-go marta 1881 goda: (Vospominaniya) = On the event of March 1, 1881: (Memoirs).* Rostov-on-Don: Don. rech', 1907:35. (In Russ.)
15. Debogoriy-Mokrievich V.K. On the negotiations of the executive committee of the “Narodnaya Volya” with the “Voluntary Guard”. *Byloe = The Past.* 1907;(4/16):56–61. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. В. Логачева – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

N.V. Logacheva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Sub-department of State and Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 24.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2022

Принята к публикации / Accepted 20.10.2022